

В 1993 году в статье «Какое оно, счастье на Руси?» Борис Можаев писал: «Более всего железная пята бюрократии давила как раз их, людей, отмеченных трудолюбием и наделенных волей к независимости. Независимость хоть слово-то и неважное, да веюць больно хороша, как любил говорить Пушкин. Именно от того, как будет складываться судьба нашего землемельца, всё и зависит: либо мы обретем в полной мере равноправие в этом мире подлинном и с высоко поднятой головой пойдем по пути, начертанному нам свыше, либо так и останемся посреди дороги с согбенной спиной да с протянутой рукой, в жалкой позе вечного просителя».

Через три года, в марте 96-го, Можаева не стало. Говорили, что ушел он так же стремительно, как и жил. В последний год жизни он был главным редактором нового журнала «Россия», но успел подписать лишь первый номер. В номере – его нижегородские заметки «Земля и воля», последние свежие впечатления об аграрной реформе в Нижегородской области. Он готовил второй номер, только что вернувшись из Севастополя, и собирался на Дальний Восток, где начинал службу как морской офицер и военный инженер, затем – как газетчик и как писатель. На страницах своего журнала он хотел рассказать о Дальнем Востоке голосами тех народов, которых искони населяли северные и восточные земли России. Он знал их поэзию и ценил ее – еще со времен флотской и корреспондентской молодости. Он всегда предпочитал первоисточники, с ходу угадывая, насколько они первоначальны и чисты. Внезапно развившаяся болезнь сорвала эту поездку. Следующий маршрут предполагался на Алтай. Родная Рязань – его повседневность, в календарь не входившая. Сам исколесивший Россию, он собирался из номера в номер, сплошняком печатать Записные книжки Андрея Платонова о поездках по стране – до сих пор они опубликованы лишь отчасти. По свидетельству жены, за пять минут до конца он говорил о том, куда уйдут отпущенные стране кредиты.

ПЕРЕКРЕСТОК

«Есть такой закон, психологический или физиологический: у людей с чистой совестью и чистой жизнью эта духовная чистота к старости пропадает и внешне на лицо, – спустя год писал Солженицын, вспоминая приезд Можаева в Вермонт. И уже о последнем, прощальном их свидании в больнице 24 февраля 96-го: «Вид его поразил. За эти недели болезни руки его исхудали до одних костей, едва

Фрагмент статьи, которая публикуется в журнале «Дружба народов» в 1999 г.

ВОЛЯ К НЕЗАВИСИМОСТИ

12 марта. – с. 9, 12. Борис Можаев жил на сквозном ветру истории

не палочки, и мяса телесного не осталось, одна кожа. <...>

Но вот что дивно: он стал еще красивее, чем раньше! – так властно прорвала на лицо духовная красота. Густые, несколько не прореженные, седые кольца-пяди волос на голове увенчивали эту красоту. Выражение лица его поражало тем, что он уже несомненно не в этом мире, – тем более удивительно, что ведь Борис не знал правду своего состояния, не хотел знать, отгоняя».

Был в жизни Можаева и Солженицына перекресток, необычайно важный для них обоих и, может быть, еще больше для всей нашей литературы, для ее истории, уже известной и той, что напрягается в ее глубине, как бы готовясь к осуществлению. Дважды возил Можаев Солженицына по тамбовской земле. В первый раз это было в июне 1965 года. Собирая материалы к «Красному Колесу», Солженицын мечтал узнать все, что сохранилось «о томившем меня тамбовском крестьянском восстании 1920–21 года». Замысел этот остался неосуществленным, хотя в Узле 11 «Октября Шестнадцатого» уже есть главы Плужникова, будущего вождя тамбовского крестьянства. Летом 69-го с той же целью они отправились в новую поездку. В «Телёнке» Солженицын сказал о Можаеве: «Он выражал собой вечное ровное струнение (или зеленый рост) народной жизни». В посмертных записках о друге, вспоминая поездку в сенокосную пору 69-го года, Солженицын пишет: «И всегда-то взлётчиво-подвижный Боря в родных лугах еще убыстрился, еще оживился, вот тут он был на месте, как еще нигде я его не видел, от радости он надышаться не мог, широкая улыбка его не закрывалась, – он сам как рос тут со всем растущим, перебегал и перелетал со всем одушевленным тут».

В эту поездку Можаев рассказывает Солженицыну о замысле романа «Мужики и бабы»: «Сперва цветущая деревня Двадцатых годов, потом колективизация и – отмеченный крестьянский мятеж, который в Пителинском округе произошел в Девяностом тридцатом». Пителино Сасовского уезда, в разное время относящегося то к Тамбовской, то к Рязанской областям, – родная деревня Можаева.

«И слушая я во все уши, – продолжает Солженицын, – и записывал, и глазами Борю поглядел, как живое воплощение среднерусского мужества, вот и повстанческое, – а до самой главной догадки не добрался, да это и такой писательский закон: догадка образа приходит чаще всего с опозданием, даже и много позже. Лишь через месяцы я догадался: да Борю-то я

описать главным крестьянским героем «Красного Колеса»! <...> Так и родился и написан был (и не дописан был, как все «Колесо», до командира партизанского полка) – Арсений Благодарев».

Чтобы представить себе, какая историческая действительность стояла за художественным планом Солженицына и романом Можаева, лучше всего привести строки из документов, относящихся к 1921 году, когда советской власти было всего три с половиной года.

Из «Директивы командования войск Тамбовской губернии...» № 0050/опс 30 мая 1921 г. «С рассветом 1 сего июня призываю приступить во всех участках к массовому изъятию из сел бандитов, а где таковых не окажется, их семей. Эта операция должна проводиться настойчиво и методически, но вместе с тем быстро и решительно. Изъятие бандитского элемента <...> должно определенно показать крестьянству, что бандитское племя и семья неукоснительно удаляются из губернии и что борьба с Советской властью безнадежна. <...> В очищенных местах вместе с ревкомами немедленно нааждать милицию. <...>

Командующий войсками Тухачевский Начштабской Кокурин».

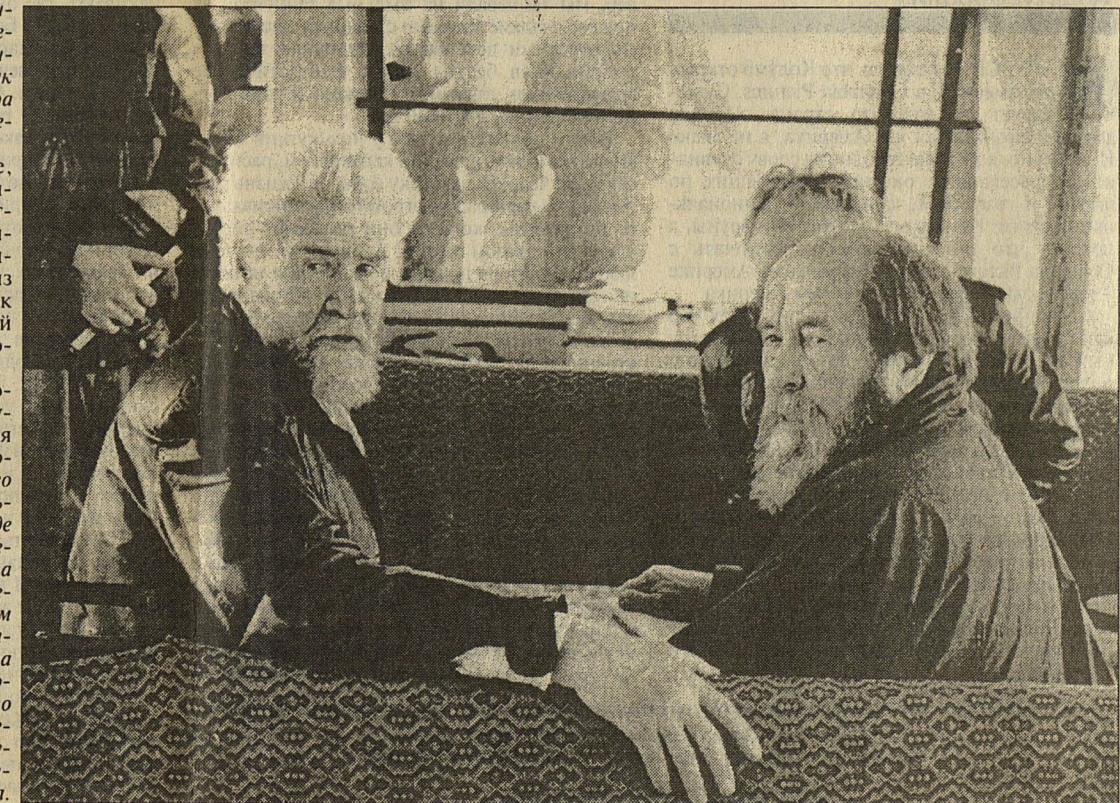
Из «Приказа Полномочной комиссии ВЦИК...» № 171, г. Тамбов 11 июня 1921 г. «Дабы окончательно искоренить эсеро-бандитские корни и в дополнение к ранее отданым распоряжениям Полномочная комиссия ВЦИК приказывает: 1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда. 2. Селениям, в которых скрываются оружие, властью уполномоченными или районными комиссиями или обяжлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия. 3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье. 4. Семьям, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда. 5. Семьи, укры-вающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда. 6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать. 7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко

Командующий войсками Тухачевский Начштабской Кокурин».

Приказ был отпечатан тиражом 30 тыс. экземпляров и заканчивался припиской: «Прочесть на сельских сходах».

Еще через день. Из «Приказа Командования войсками Тамбовской губернии...» № 0116 12 июня 1921 г. «1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушильными газами, точно рассчитывать, чтобы облако

Борис Можаев и Александр Солженицын.

удушливых газов, распространяясь полностью по всему лесу, уничтожая всё, что в нем пряталось. 2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов. 3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ. <...>

Командующий войсками Тухачевский Начштабской Кокурин».

Когда Можаев спустя семьдесят лет писал, что «более всего железная пята бюрократии давила как раз их, людей, отмеченных трудолюбием и наделенных волей к независимости», то, говоря фигурантно, он фиксировал эти развернутые во времени приказы 1921 года. Чиновничье насилие было лишь формой армейского и имело в своей основе военный характер.

(Окончание на стр. 12)

Он жил постоянно на сквозном ветру истории. Собственно, деления времени на прошлое, настоящее и будущее для него не существовало. Текущий день нес в себе всю хронологию. Он мог сказать: «В наших мес-тах остановили татарское нашествие, колхозы принесли только в 35-м и здесь ходил Стенька Разин». Для него это был один эон и одна повседневность. В роман, как в чашу, опрокинут весь опыт его собственной жизни, опыта его земляков на протяжении полу-века, пережитый, как собственный, включая то, что несла народная память, бесценное устное предание, вытянутое из-под кат-ков насилиственного забвения и лжи.

То, что Твардовский, создатель «Василия Тёркина», захотел напечатать «Один день Ивана Денисовича», едва рукопись попала ему в руки, тоже знаменательный сюжет истории нашей литературы. Через три года он напечатал «Из жизни Федора Кузькина» («Живой» в последующих изданиях). Он хотел перепечатать «Привычное дело» Василия Белова, в том же 1966 году опубликованное в журнале «Север» № 1 (Петрозаводск), но при нелюбви к перепечаткам себе это не позволил. В 1963 году он напечатал «Матрёнин двор» («Не стоит село без праведника») Солженицына. В 1969-м — «Пелагею» Федора Абрамова. В «энциклопедию мук российской деревни» (Можаев) со страниц «Нового мира» сошла в шестидесятые годы версия крестьянских характеров. Тот «рывок его мужественного и поэтического чувства», которое, по словам Солженицына, испытал Твардовский, впервые читая «Ивана Денисовича» и решая его судьбу, был для Твардовского не разовым и не однажды случался с ним. Там была лава горя и ответственности.

Можаеву выпало сказать о воле к независимости. «Живой» создавался на подступах к роману, и зарево замысла о подавленном восстании 30-го года над этой повестью на-висает. В истории Кузькина закодирован простой крепостной сюжет. Балаган тут несет в себе историческую драму, и Театр на Таганке, перенеся повесть на сцену, эти чи-сто можаевскую оптику сделал внятной всем. Спектакль был запрещен, и к широкому зрителю вышел лишь 21 год спустя.

В год, когда был опубликован «Живой» (1966), написана «Старица Прошкина». Не историю разорения прочитывает повествователь, а щетные попытки одинокого созида-ния. «Осмотрев я... и дивился той беззра-ничности человеческого упорства, порожденного волей к независимости». История жизни Анны Ивановны Прошкиной, которая была и председателем колхоза, и парторгом (образ ее, комсомольской активистки, язвительным эскизом мелькнет в романе), — это история того, как власть и отрицание власти способны сойтись в одной душе, образуя опасный и саморазрушительный сплав. Вольница иско-ренений кулаков, вредителей, воров, которая крутил Анной Ивановной; не истребленная ни тюрьмой, ни разором жажда справедли-сти, жажда живого зеленого роста и талант к нему — написаны Можаевым так естествен-но, так из одного корня и в пределах одной души, что мысль о противоречиях кажется тут наудуманной и праздной.

Кажется, что он стряхнул с себя все пошлости о загадочности этой души и пишет, как есть, как знает, как случилось у подруги его родной тетки. Зыбкость ипостасей написана Можаевым покойно и просто, с ненасильственным и нестилизованным историзмом. От-того времена Алены, атаманши и старицы, и времена советские, теряя различия и дистан-цию между собой, образуют новое — чисто поэтическое — измерение. Читает «Старицу Прошкину», рассказ небольшой, и словно погружаешься в долгое, протяженное повествование, а рассказ лишь глава его. То ли это давно начатая летопись, то ли воскресающий жанр жизнеописаний, даже житие. Опыт повествователя велик, не вычитан, независим и ждет не столько концепции, сколько этой возможно широкой и возможно непредвзя-той, вольной повествовательности.

Заметим, что вторая книга «Мужиков и баб» была отклонена всеми московскими журналами, по всему спектру позиций. Напечатал вторую книгу, где развернута пано-рама уже созревшего крестьянского сопро-тивления и сам мятеж и расправа над ним, журнал «Дон» (1987, № 1-3). Вешенское восстание, антоновщина, мятежи в Пители-

ВОЛЯ К НЕЗАВИСИМОСТИ

но и еще в трехстах, по статистике Рютина, местах — подземный гул этих событий еще долго будет отзываться в нас и нашей литературе, тем более, что жизнь способствует этой акустике. Споры вокруг авторства за-слонили от нас «Тихий Дон», ни одной се-рьезной работы о сути книги в наши дни не появилось, хотя в последние пятнадцать лет ничто этому не мешало. Но появился том документов и материалов «Антоновщина» и том документов «Филипп Миронов (Тихий Дон в 1917-1921 гг.)».

Читая эти книги и кажется, что реальность сама взялась рассказать о себе, минуя посредничество литературы и самовольно переплавляясь в искусство. Проявлять силы рока — прерогатива великих книг. Здесь перед нами коллектив ученых и два ответственных редактора — В.Данилов и Т.Шанин. Научная работа и никаких претензий на беллетристику, тем более на поэзию. А жанр — эпос. Не как программа, а как результат. Святок событий, которые как бы и не нуждаются в авторе. Это развила жанров, ме-жотраслевые перепутья.

МОЖАЕВ СХВАЧЕН ЖИВЬЕМ...

В 1969 году Солженицын увидел в Можаеве главного крестьянского героя «Красного Колеса», которому в антоновщине предстояло стать — по роману — командиром повстанческого партизанского полка, а если по реальной истории, — тем именно, в кого были нацелены приказы о «массовом изъятии из сел бандитов, а где таковых не окажется, их семейств», о рассеяниях «на месте без суда старшего работника», об очистке лесов, «где прятутся бандиты... ядовитыми газами». В тихую сенокосную пору то-го года, слушая Можаева, предполагали Солженицын, что сам этот миг внезапного узы-навания и постепенного проявления догадки возникнет в его романе? Перед полковником Воротынцевым этот образ предстает, и он двинется навстречу ему 14 августа 1914 года в бою под прусским селом Узда, когда «всю по-лосу окопов Выборгского полка накрыло точечей немецких фугасов». «Второй раз перемолачивали выборжцев», — пишет Солженицын, — но не было в них порвы бежать и вряд ли вступало им в голову, что могли бы они тут, под снарядами и не крючиться. Нет, как камни, натощенные ледником, переживают потом его тяжесть, переживают века и цивилизации, грозы и знон, лежат и лежат, — вот так тут солдаты сидели и сидели, не вышибаясь. От дедов привычное, долгое, неотклонимое: надо терпеть, никуда не денешься».

О Благодарёве, одном из этих нанесенных ледником камней, он скажет: «Благодарёв сидел в окопе, как пережидают ливень под худой крышей». И дальше: «Простота держатся были у этого солдата дослужебная, дочиновная, досословная, догосударственная, невежественно-природная простота». Но — «труден, труден возврат от камня к жизни».

Тем не менее он совершается в том же Узле 1, в «Августе Четырнадцатого», в минуту (уже осенью) тяжелейшего разговора Воро-тынцева со Свечином о тупике войны, о бе-зысходной части русской армии, о том, что «выгода России может не совпадать с честью нашего мундира» (Воротынцев) и — Свечин: «Вообще, мятеж, погорячу, часто кажется самым прямым и правдивым выходом. А проходит время — и оказывается, что терпевшая линия была верней. Я тебе дело говорю. Сиди не лихо, работай тихо».

Посреди этого разговора и появляется в романе Благодарёв, уже неся в своей повадке дыхание будущего мятежа. Еще прежде, чем сложится обстоятельства, возникнет по-ступок и пластика, и здесь, как нигде, Можаев схвачен живьем.

«Они уже возвращались, выходили на край леса, к посёлку и поездам...» А тут, по крайней тропке, обходя места высокого начальства, спешил писарь, хлопотливый селезень, а за ним, с прямизнью не военной, не воспитанной, прирожденной, на два шага писаря делая свой один, шагал Арсений Благодарёв. Как все ноши с плеч покидав, с грудью опять выставленной, свободно он на ходу помахивал руками, свободно обрашивался направо и налево, сколько ему

нужно, не стеснён высокою Ставкою, ни близостью великих князей. *«...»* Таким не окружение его сделало, таким застал его Воротынцев под Узда, он тогда не к своему полковнику, но и ко всякому офицеру так умел: безошибочно употребляя все военные выражения, уверенно чувствовалось, что за их черту не перейдёт, а то — переходил, из службы отчасти в игру».

Крестьянская война начинает разверты-ваться в романе через характер. Раньше все-го писателю представлялся тип повстанца. «Мой близкий, тесный друг», — напишет Солженицын о Можаеве в «Телёнке». Он «открыл путь в роман», — скажет он в 1997-м.

СВОБОДНОЕ ДЫХАНИЕ ОПЫТА

У Можаева в романе нет главного героя. Повествование многохребтно, многовол-ново. Толстовские слова — «море народной

янского бытия в той степени зрелости и да-же накала, когда существование несамостоя-тельныйное дальше уже невозможно. Все оби-лие стычек, споров, дискуссий, все разноречие догадок, пророчеств, реакций, мнений, выстраданных и скатившихся с языка ради красного слова, скоморохных и патетич-ных, сливается у Можаева в бурлящее на-родное сознание перед тем, как ему пред-стоит смолкнуть на долгие десятилетия. Это художественное свидетельство, универсаль-ное по масштабу. Это объективное и дерз-кое повествование о резервах независимости и о невероятности ее потаенных форм и превращений. В этом смысле роман энци-клиопедичен и пока не узнан.

Не лихостью играет у Можаева народная воля к независимости — это лишь вензеля, и у Можаева был вкус и мера в написании их.

Борис Можаев с земляком, прототипом Федора Кузькина. 60-е годы.

жизни» — не являются здесь метафорой. Об-раз безбрежья входит в роман сразу, и сразу мы попадаем в край изменчивых далей и превращений. Даже если они и вымыщлены, то не вымышлены фантазия, их породившая. В романе — как в личности его автора — все не окончательно, все импульсивно, мотивы и цели, при всей видимой простоте, то и дол-го распускаются в спектр и когда снова сбе-гутся в один луч — не уловишь.

С чего начинает Можаев главу о Проко-пе Аллонине? «Прокоп Аллонин был скучным мужиком». Дальше сказано, что отец Проко-па работал механиком в Баку, и «Прокоп та же при отце». О ленте в деревне говори-ли: «Его Баку — спичка на боку». Все по-мысли Прокопа связаны с машиной, все инициативы — с техникой. И все реакции — это реакции человека дела. Молотобоец Серган, желая покрасоваться перед Проко-пом, сплющил в кулаке шестидюймовый гвоздь в розочку. «Что ж ты добро портишь? — сказал Прокоп, кидая это Серганово изделие. — Был гвоздь, а теперь финтифлюшка». *«...»* Серган поднял розочку, стиснул опять гвоздевую шляпку в своей калёной ладони и, ухватив за конец, пыхтя и синяя от натуги, вытянул гвоздь на всю длину». Такой праздности, пустяковости Прокоп не тер-пел. Можаев пишет натуру глубоко конструктивную. Прокоп во всем отыскивает максимальный КПД.

Прежде чем вспыхнуть бунту, Можаев развернется фронт мастеров: как ходить за кояями и искать конокрадов, как стеречь сад, как, пробуя сапог на прочность, попытаться зубами оторвать подошву, как «азартный до вы-годы» Клюев и его брат сколачивали копейку и копили ее, как уговорить заутримышившуюся корову встать и опять давать молоко... В романе свободно дышит опыт кресть-

янского бытия в той степени зрелости и да-же накала, когда существование несамостоя-тельныйное дальше уже невозможно. Все оби-лие стычек, споров, дискуссий, все разноречие догадок, пророчеств, реакций, мнений, выстраданных и скатившихся с языка ради красного слова, скоморохных и патетич-ных, сливается у Можаева в бурлящее на-родное сознание перед тем, как ему пред-стоит смолкнуть на долгие десятилетия. Это художественное свидетельство, универсаль-ное по масштабу. Это объективное и дерз-кое повествование о резервах независимости и о невероятности ее потаенных форм и превращений. В этом смысле роман энци-клиопедичен и пока не узнан.

Мандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны. (NB Класс приказных и чиновников был еще малочислен и решительно принадлежал простому народу. То же можно сказать и о высокожившихся из солдат офицерах. Множество из них последних были в шайках Пугачева. Шванич один был из хороших дворян).

Эти слова — план будущих романов о бу-дущих бунтах. XX век заставит видеть дво-ры, каждый в отдельности. «Мелеховский двор — на самом краю хутора» — первая фраза «Тихого Дона». Потом появятся другие дворы Татарского. Завершится «Тихий Дон» на пепелище мелеховского дома. И Меле-хов, и Благодарёв, и Плужников — люди войны. Участники Первой мировой, они становятся героями войны казачьей и кре-стьянской. Возвращаясь к Пушкину, вспом-ним, что и он в «Истории Пугачева» писал бунт как крестьянскую войну, настолько мощную, что на ее ликвидацию был послан Суворов. Суворову не суждено было ни по-бедить, ни догнать, ни взять Пугачева. Пуга-чев сам сладился своим: «...подозвав своего любимца, илекского казака Твергова, протя-нул ему свои руки и сказал: «Вяжи!» Но первое, что говорит Пушкин, описывая встречу Суворова и Пугачева: «Суворов с любопыт-ством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях и намерениях». Воен-ное искусство Пугачева было Суворову любопытно. Но досталась ему роль конвоира. Как Тухачевскому его роль.

Первые слова, которые у Пушкина произ-носят Пугачев на первом допросе: «Богу было угодно наказать Россию через моё окяниство». В ходе романа «Мужики и бабы» окяниство и вовсе освобождается от поэзии. Две войны, Первая мировая и Гражданская, пройденные Бородиным, резонируют в нем жестокостью и немелочностью достоинства. Вора Бородин найдет, не не беглому вору Ивану Жадову бунтовать. Иное дело подрядчик Федор Звонцов, в романе главный бунтовщик. «Черноб-родный, с открытым и дерзким взглядом смоля-ных цыганских глаз», Звонцов — лицо и рупор бунта, в его классическом, крайнем выражении, с установкой «а нам терять нечего, окро-ляя своих цепей». Но прежде чем это произнес-ти, Звонцов спалил свой дом, который поста-вил в 22-м, вернувшись с Гражданской вой-ны, — «пятнадцатый, двенадцать на десять ариши, на каменном фундаменте, под железной крышей, под зеленой... Наличики во всю стену, как вологодские кружева».

«Был скакалист и мастер на все руки — и плотничал, и штукатурил, и сапоги тачал, и бондарничал. Потом бригаду сколотил, подря-ды брали... Заскак на широкую ногу». Ему пред-лагали работать и в сельском Совете, и даже в волости. От всего отказался ради хозяйств-ва и самостоятельности. Поэтому, когда хо-зяев стали грабить и высыпать, он отправил жену к сыну в Нижний и приехал ночью на хутор к Черному Барину, Мокею Ивановичу — «сговорив на мятеж, замахнувшись «на всю эту сволочь... Башки им сворачивать и отбрасывать прочь... Весь народ колородит, как брага в кувшине. Того и гляди стекни разорвет. *«...»* Мы им всем покажем кузькину мат. Дворы наши пожгём, чтоб ни нам, ни им. А сами уйдём в лес».

И тут границы между дворами, между хо-зяевами вибрируют и сменяются. Для пове-ствователя это самые напряженные минуты, хотя, казалось бы, фронт противостояния прорублен напрямую и без тумана — между властью и народом.

«Глядя на свои руки, сложенные крестом на столе», Черный Барин говорит: «Сжечь всё, что сам обтёсывал, выкладывал по брёвныш-ку... А сад, питомник? *«...»* Я не бессмертный. Рано или поздно — всё равно помру. А сад пущай стошт. Это живое дело. Дерево, оно от Бога. *«...»* Нет, Федор, подымать руку на людское добро — значит самому бесом становиться...»

На что Звонцов отвечает вполне основательно: «Ну, ну... Давайте, мопайте в рай в сопровождении милиционера».

Вспомним, как был в припадке Григо-рий Медехов, когда порубил шашкой мат-росов. Федор Звонцов, красноармейцем гонявшимся за казацкими шайками и громившим мятежные станицы, попав в бой в плен, видел, как расстреливали матросов на окраине Новороссийска. А потом, их, плен-ных, заставляли откапывать начавшие раз-лагаться плохо зарытые трупы убитых и хо-ронить где подальше. «На этой работёнке и осатанел Звонцов. Потом, когда отбили у бе-лых Новороссийск, на вопрос: «Кто доброволь-но желает расстреливать офицеров?» — Звон-цов, вышел первым», Звонцов в припадке не бился. Но расстреливать белых офицеров в 18-м, а в 30-м башки сворачивали коммуни-стам и отбрасывали прочь — он готов.

Для Андрея Ивановича Бородина Черный Барин — греза. Нет, жить на отшибе бирю-ком он не хотел. Но чтобы самому вести хо-зяйство, «чтобы не зависеть от мирского гу-жа» до трёхполки — это другой оборот». Чер-ный Барин — невидимый центр притяже-ния, зыбкая перспектива повествования, кото-рую и не разглядеть сразу в этом много-голосье и многоликих. Но